

его, А, жену. В случае же если купец Б добьется своего, он должен в доказательство принести именное кольцо жены купца А и какой-либо из принадлежащих ей предметов или сообщить ее „тайную приметку“. Купец Б обманным образом достает именное кольцо (иногда он отрывает палец с кольцом у служанки, которую добродетельная жена купца А посылает вместо себя на ночное свидание с купцом Б), крадет какую-либо вещь жены купца А (пояс, перчатку и т. д.) или узнает ее „тайную приметку“ — родинку, бородавку, „золотые волоски под левой мышкой“ и т. д. Однако жене купца А удается разоблачить обманщика и доказать свою невинность.

Афанасьевские сказки №№ 336 и 337¹ представляют дальнейшее развитие фабулы повестей и сказок о верной жене. В них сюжетная сторона усложнена: муж — купец — заменен двумя персонажами — царем (или царевичем женихом) и братом невесты; жене купца здесь соответствует невеста-сестра одного из героев; вместо купца Б, соблазнителя, фигурирует „злющий“ или „завистливый генерал“, по разным соображениям не желающий, чтобы купеческая дочь стала царицей. Для усложнения фабулы вводится в эти сказки и эпизод с портретом сестры: царь или царевич видит этот портрет и заочно влюбляется в купеческую дочь. Неизменным остается в сказках по сравнению с повестями и сказками о „верной жене“ только один элемент — именное кольцо, которое, впрочем, никакой опознавательной роли здесь не играет.

Сопоставление сказок №№ 336 и 337 друг с другом свидетельствует, что перед нами две разновидности одной и той же первоначальной основы, в общем близкой к сюжету повестей и сказок о „верной жене“.

В обеих афанасьевских сказках действующими лицами являются дворяне (царь, царевич, генерал) и купцы (купеческий сын, его сестра). Надо полагать, что сказки эти сложились в купеческой среде и отразили соперничество господствующих классов петровской России. В сказке № 336 классовая мотивировка действий „злющего генерала“ дана обнаженно: „Эдак, пожалуй, — говорит злющий генерал, узнав о желании царя жениться на купеческой дочери, — придется нашим женам купчихе кланяться“.

Таким образом можно с некоторой степенью уверенности считать, что сказки №№ 336 и 337 явились результатом обработки старого сюжета под влиянием классовых (купеческих) интересов, отражавших политическое соперничество дворянства и торгового класса в петровскую эпоху.

„Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ является, по нашему мнению, дворянской переработкой сказок типа №№ 336 и 337, типа, в особенности близкого к первой сказке, в модный жанр авантюрно-галантной повести.

Ввиду полного отсутствия какой бы то ни было документации, — сказки №№ 336 и 337 известны лишь в записях середины XIX века, — можно только предположительно высказаться об отношении „Повести о гишпанском дворянине Карле и его сестре Софии“ к афанасьевским сказкам. В последних, как указано выше, есть один неизменный элемент, связывающий их с циклом повестей и сказок „о верной жене“, — именное кольцо. В „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ именного кольца уже нет, но „тайная приметка“ и перчатка

¹ За указание на однородные сюжеты русских сказок издатели приносят благодарность М. И. Маловой.